

Екатерина Ульшина

Обманите и сами поверьте в обман

Екатерина Николаевна Ульшина

Обманите и сами поверьте в обман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29826489

SelfPub; 2018

Аннотация

Маленький Саша Ершов торжественно обещает друзьям, что в будущем станет писателем. Вскоре жизнь разлучает его с ребятами, и через двадцать лет Саша становится инженером. Когда же он вновь встречает старых друзей, то стыдится того, что не сдержал слово, поэтому объявляет, что стал писателем. После этого обмана он попадает в аварию и едва не лишается жизни. Но на этом все не заканчивается. Жизнь готовит герою необычный сюрприз. Хватит его силы воли для того, чтобы столкнуться с предстоящими испытаниями и остаться верным себе и своей мечте? Известно лишь одно: он уже никогда не станет прежним. Потому что ни один обман не проходит бесследно.

*«You don't need anybody's permission to live the life you desire.
You need only the permission of your heart»*

© Hazel Gaynor

“The Cottingley Secret”

«Ты не нуждаешься ни в чьем разрешении, чтобы жить так, как ты хочешь.

Все, что тебе нужно – это разрешение собственного сердца»

© Хейзел Гейнор

«Секрет Коттингли»

Согласно масштабному социологическому опросу, проведенному британскими исследователями, среднестатистический человек обманывает не меньше четырех раз в сутки. Любопытно, не правда ли? Исходя из этого суждения, можно сделать вывод, что границы истины в современном обществе весьма призрачны. Мы никогда не можем знать, какой процент правды содержится в словах наших собеседников, и поэтому не можем быть уверенными в достоверности собственных знаний. Что более интересно, лгущий человек и сам не всегда осознает, что лжет. Так, неизмеримая цепь лжи становится замкнутой, и обман повторяется снова и снова, передаваясь из одного уста в другие. Значит ли это, что доверять нельзя никому, даже себе?

Люди любят скрывать свои недостатки, умалчивать о своих ошибках, приукрашивать свои поступки... Но зачастую

мы обманываем просто потому, что нам это нравится. Мы даже не всегда отдаем себе отчет в том, какую цель преследуем, избегая правды. Порой мелкая ложь остается незамеченной не только слушателями, но и самим повествователем. Однако не любой обман проходит бесследно. Только задумайтесь, какой невероятной силой обладает ложь! Она способна наложить свой отпечаток на ход событий, повлиять на принятие важнейших решений, способна даже изменить жизнь человека. Но может ли ложь изменить самого человека?

Чтобы ответить на этот вопрос, я хочу привести наглядный пример, поведав свою историю преодоления нелегкого пути от страха действовать к твердой решительности, от подавляющих сомнений к слепой вере, от заносчивой лжи к благородной истине.

Эта история берет начало в «лихие девяностые» в городе Ростов-на-Дону, расположившемся на живописной земле, вдоль которой широкой извивающейся лентой пролегло тихое русло реки Дон. В этом городе я был рожден и сразу же брошен под присмотр медработников детского отделения городской больницы, а позже под неустанную опеку воспитателей детского дома. Я никогда не видел своих родителей и не знал, почему они решили отказаться от меня, однако верил, что однажды они обязательно придут и заберут меня домой.

Но годы шли, и чем взрослее я становился, тем больше

холодная реальность убеждала меня в том, что, бросив ребенка, родители вряд ли будут терзаться муками совести и тоской по оставшемуся сиротой малышу.

За шесть прожитых мной лет белые кирпичные стены детского дома стали неотъемлемой частью моей жизни. Здесь, без трепетной поддержки родителей я сделал свой первый шаг; впервые произнес полное детской преданной любви слово "мама", обращенное к только что устроившейся на должность нянечки Лидии Михайловне; в этих стенах я завел своих первых друзей и понял, что такое настоящая дружба; здесь я получил начальные знания об окружающем меня мире, в котором помимо надежной крепости нашего детского дома вмещались целые города, страны и даже континенты! И именно в этом месте состоялся первый в моей жизни литературный вечер.

Это произошло 24 мая 1995 года – девяностолетие со дня рождения нашего земляка, Михаила Александровича Шолохова. В этот день, когда на улицу опустились густые сумерки, всех воспитанников собрали в небольшой библиотеке, где под сопровождение приглушенной музыки библиотекарь рассказывала о жизни и творчестве писателя.

Я помню медлительную речь женщины, таинственным голосом рассказывавшей об истории создания романа-эпопеи "Тихий Дон", о произведениях, объединенных Шолоховым в "Донские рассказы", событиях, лежащих в основе рассказа "Судьба человека" и романа "Они сражались за Родину".

В силу своего возраста я не многое понял из знаменитой биографии писателя, но услышанные в этот вечер истории так впечатлили меня и настолько завладели моим воображением, что простая и, казалось, неопровержимая истина сформулировалась в моей голове: нет в мире занятия лучше, чем писательство, и не может быть мечты более возвышенной, а цели более вдохновляющей, чем желание стать писателем. Мысль о том, каким стойким и целеустремленным нужно быть, чтобы однажды увидеть свое имя, напечатанное на обложке толстой книги, заморозила меня и навсегда стала предметом моего восхищения.

В тот вечер я пообещал себе, что в будущем обязательно добьюсь почетного звания писателя. Разумеется, как любой ребенок, я посчитал обязательным долгом рассказать о своем намерении всем друзьям. Поздно вечером мы отправились в общую комнату, где, уютно расположившись на цветастом ковре, стали делиться своими впечатлениями о времени, проведенном в библиотеке. Тогда я и рассказал ребятам о том, что хочу стать писателем, совсем как этот Шолохов.

– Вот это да! – восхищенно прошептала Леночка, потрянув белокурыми локонами. Леночка воспитывалась со мной в одной группе, но была на год младше. Ее личико, с серыми раскосыми глазками и изящно очерченными припухлыми губками, напоминало мордочку сонного котенка. А трогательная манера ласкаться ко всем, кто был готов подарить ей хоть каплю ласки, лишь дополняли ее кошачий образ. Не

удивительно, что чопорное имя Лена совсем не шло этой девочке, и поэтому все стали ее называть просто и ласково – Леночка.

– Да это же совсем и не интересно, – насупился мой сосед по комнате Максим. – Вот я, когда вырасту, стану суперменом! – Он вскочил с ковра и с вытянутой сжатой в кулак рукой стал бегать по комнате, изображая супергероя.

– А я буду пожарным, – гордо заявил Кирилл.

– А я хочу быть балериной, – пропела тонким голосом Леночка.

– Балериной быть очень трудно, мне Лидия Михайловна говорила – сказала несколько грубым для девочки голосом Галя по прозвищу "кучеряшка". – Тебе совсем нельзя будет есть шоколад! – она сокрушенно покачала головой.

Так мы просидели еще не один час, строя планы на будущее и давая друг другу обещания воплотить их в жизнь. А еще через несколько недель наш детский дом был закрыт, а группы расформированы по разным приютам. Меня и нескольких других ребят отправили в Воронеж, а все мои друзья, к моему великому сожалению, были переведены в другой ростовский детский дом.

За двенадцать лет, что я провел в Воронеже, процесс социализации, протекавший в отказавшемся принять меня обществе, безукоризненно сделал свое дело. В результате неоднократных насмешек, укоров и даже побоев со стороны нового коллектива, я вырос одиноким, задавленным и неуве-

ренным в себе человеком.

Несмотря на глубоко поселившуюся во мне любовь к литературе, я закончил политехнический университет и получил ненавистную специальность инженера-металлурга. И не удивительно, что я так ее невзлюбил. Ведь когда хочешь заниматься любимым делом, а тебя вынуждают делать совсем другое, появляется неприязнь, позже переходящая в ненависть к тому, что мешает заниматься тем, что действительно важно. Сейчас мне трудно понять, почему в то время был таким зависимым от чужого мнения, твердившего, что ничего толкового из меня не выйдет, и что я загублю свою жизнь, если поступлю на филологический факультет.

И вот, поддавшись воле окружающих, я вышел во взрослую жизнь с дипломом инженера и полным осознанием своей никчемности. Возможно, именно это и побудило меня через пару лет безрезультатных поисков хорошей работы вернуться в родной город, где я надеялся найти старых друзей и хоть как-то себя реализовать.

Удалив с телефона номера всех знакомых из Воронежа и продав предоставленную государством жилую площадь, я собрал все свои пожитки, поместившиеся в одну дорожную сумку, и после пяти часов тряски в душном автобусе вышел на ростовском автовокзале.

Яркие лучи солнца мгновенно ослепили меня, заставив смотреть на волнующие мою душу родные просторы сквозь узкие щелчки прищуренных глаз. Перед моим взором еще не

успели раскинуться широкие поля с весело гуляющим по ним вольным ветром, устремленные ввысь тополя, раскидистые дубы, от которых всегда веет могущественным величием. Сейчас передо мной были многочисленные автобусы, пыльный асфальт, кассы и, казалось, бесконечные ларьки с фаст-фудом.

Но что-то светлое, уютное царило в атмосфере этого города, укутанного знойной жарой летних дней. По небу, словно гигантские белые медведи, переваливаясь с боку на бок, шли кучевые облака, в лицо дул теплый, едва ощутимый ветерок. Спешившие по своим делам люди изредка бросали на меня, стоящего с глупой улыбкой посреди вокзала, удивленные взгляды. Тем временем в моей душе, как редкое соцветие камелии, расцветало прекрасное и такое же редкое для меня радостное чувство. Я дома! Наконец-то я был дома!

Будучи воспитанником ростовского детского дома, почти все время я проводил на его территории, а потому мои знания о городе были ничтожно малы. Желая как можно скорее восстановить утраченное, несколько часов бродил по улицам родного, но совсем незнакомого мне Ростова, и обнаружил, что он куда больше и красивее, чем я представлял.

На залитых ярким солнечным светом аллеях встречались большие толпы людей, что не было характерно для Воронежа, где жизнь всегда протекала тихо и размеренно. Однако скопления людей не создавали, как многие любят выражаться, эффект "муравейника".

Ростов больше напоминал невероятных размеров клумбу, посаженную самыми разнообразными цветами. Встречались здесь *белые розы*, люди, которые задумчиво прогуливались по паркам или сидели на лавочках, увлеченно читая книги, в то время как *шароголовые мордовники*, обгоняя друг друга, с невероятной скоростью проносились мимо них на своих мотоциклах. Ромашки, хлопотливые хозяйки торговых палаток, размахивали руками и на чем свет стоит поносили своих незадачливых помощников. Были здесь и *одуванчики*, дети, весело играющие со своими друзьями, и *нарциссы*, искося осматривающие людей, и *герберы*, молодежные компании, пугавшие прохожих своим громким хохотом. А *тюльпаны*, студенты, раздающие на улицах флаера, одаривали людей такими доброжелательными улыбками, что невозможно было пройти мимо и не взять рекламку.

Такое бурное противоречие наблюдалось и в архитектуре города: старые, осыпающиеся домишки стояли в одном ряду с сияющими новизной строениями; маленькие, совсем бедные ларьки контрастировали с модными магазинами и всегда переполненными народом гипермаркетами; одноэтажные дома располагались рядом с высотными зданиями. Меня удивило и одновременно развеселило столь выраженное разнообразие Ростова-на-Дону.

К вечеру, бесконечно счастливый своему возвращению, я обосновался в одной из однокомнатных съемных квартир старого дома. Обстановка моей небольшой, комнатки огра-

ничивалась раскладным диваном, письменным столом, потертым креслом с темно-коричневой обивкой, стулом и шкафом для одежды. Но я был доволен своим новым жилищем, потому что здесь было все необходимое, а большего мне не нужно.

Остаток дня я провел, обживая новую комнату, а ночью еще долго стоял на балконе, вдыхая теплый, насыщенный медовым ароматом цветов воздух, прислушиваясь к отдаленному шуму голосов, проезжавших машин и растворяясь в ночной темноте, тихо спустившейся на этот удивительный город.

На следующий же день, в надежде получить контактные данные своих друзей, я отправился в детский дом, в который их перевели.

С замирающим сердцем я подошел ко входу в ухоженное, огражденное резным забором белое здание, выглядевшее куда приветливее моей воронежской обители.

Как я боялся, что мне откажут в разглашении данных бывших воспитанников и нетерпеливо укажут на дверь! Однако через несколько минут непринужденного разговора с социальным работником мне удалось получить мобильные номера Максима и Кирилла. Это оказалось несложно, так как работником оказался не кто иной, как Миша, который мне запомнился еще одиннадцатилетним мальчишкой из старшей группы, переведенного вместе с моими друзьями в этот дет-

ский дом.

Удовлетворенный выполнением своей задачи, я решил зайти в расположившееся на соседней улице кафе и позавтракать. Выбрал столик у окошка и, дождавшись, пока официант принес порцию омлета с ветчиной, набрал номер Максима и неожиданно для самого себя замер, держа палец над кнопкой вызова.

Ровно двадцать лет прошло с нашей последней встречи. Я помню его маленьким полнощеким мальчишкой, мечтающим стать суперменом. Какой он сейчас? Сильно ли изменился? И... помнит ли меня? До этого дня мысль о том, что друзья детства с нетерпением ждут встречи со мной так же, как и я с ними, казалась мне естественной. И только сейчас я подумал о том, что уже давно они живут своей личной жизнью, в которой меня не было двадцать лет. Поэтому, возможно, обо мне давно позабыли.

Но напомнив себе, что это единственные в мире дорогие мне люди, воспоминания о которых на протяжении долгих двадцати лет грели мое сердце, я решил, что все равно терять нечего. И пока не успел снова испугаться, нажал на вызов.

Через пять бесконечно-долгих гудков в трубке раздался сонный голос.

– Алло...

– Максим! Это ты? – воскликнул я.

– Мм, кто это? – недовольно протянул он.

"О Боже, наверно, я позвонил слишком рано" – с ужасом

подумал я. Ведь сейчас было воскресенье, и стрелка настенных часов едва дотягивалась до отметки "десять". Я разбудил Максима в его выходной, но понял это слишком поздно, и теперь уже можно было не рассчитывать на его расположение ко мне.

– Это я, Саша Ершов, помнишь меня? Мы с тобой в детском доме вместе были, а потом его закрыли и... – Я говорил так быстро, что проглатывал половину слов. – Ты извини, что так рано звоню, просто...

– Сашка! – выпалил Максим, да так громко, что его голос слышали люди за соседним столиком. – Сколько лет, сколько зим! Не думал, что ты меня еще помнишь.

– Если честно, я тоже боялся, что ты меня забыл, – сказал я и облегченно выдохнул.

Впервые за двадцать лет одиночество отступило, позволив мне снова почувствовать себя чьим-то другом. Мы говорили так долго, что мой завтрак совсем остыл. Максим предложил собрать всех ребят из нашей группы и устроить встречу в каком-нибудь ресторане. Сначала я подумал, что не все захотят бросать свои дела ради встречи со мной, но Максим убедил меня, что они соберутся не ради меня, а ради того, чтобы увидеть друг друга и весело провести время. И хотя я несколько колебался, мне очень понравилась эта идея.

Максим поручил мне позвонить Кириллу, а сам взял на себя обязанность обзвонить остальных. К моему удивлению, Кирилл тоже меня узнал и с радостью принял предложение.

Счастливым, я наконец поел и отправился домой. В первом же попавшемся на пути газетном киоске купил сразу несколько газет и, придя домой, стал искать свободные вакансии. До встречи, назначенной на пятницу оставалось два дня, в течение которых я пообещал себе найти работу.

Я разослал свои резюме по всем заводам, которые только нашел при помощи интернета, и на период ожидания ответа устроился по объявлению грузчиком на центральном рынке.

Два дня пролетели с невероятной скоростью, и вот наступила долгожданная пятница. В пять часов вечера, стоя перед зеркалом в своих лучших джинсах и белой рубашке с коротким рукавом, я обнаружил, что очень волнуюсь.

Столько лет мечтал увидеть друзей детства, представлял, как наш детский дом снова открывают, и мы возвращаемся туда, как счастливые часы незаметно пролетают за вечерними разговорами... Но теперь мы все изменились, стали взрослыми. А вдруг все пройдет не так, как я ожидал? Вдруг я так и останусь выброшенным за борт общественной жизни в поглощающую пучину одиночества?

Отмахнувшись от мрачных мыслей, я резко отошел от жалкого отражения в зеркале, завязал выпадающие из дрожащих рук шнурки ботинок и вышел на улицу, громко хлопнув за собой дверь.

День выдался прохладным, с неба нетерпеливо срывался дождь. Над Ростовом сгустились тяжелые тучи, окрасив город в серые, тусклые тона. Я был рад, что жара наконец ушла,

уступив место успокаивающей прохладе, которая сейчас была так нужна моему разгоряченному от волнения телу.

Когда я прибыл на место, многие из ребят уже сидели за длинным овальным столом и что-то шумно обсуждали, пытаясь перекричать завывающую около диджейского пульта певицу. Эти люди выглядели совсем взрослыми и лишь отдаленно напоминали тех детей, какими я их помнил. Их презентабельная внешность еще больше взволновала меня, но, когда они, озаренные самыми дружелюбными улыбками, повернулись ко мне, мое сердце радостно подпрыгнуло.

Максим, в красной футболке и с лоснящимися щеками; Кирилл, высокий и крепко сложенный; Леночка, стройная в легком фиалковом платье с нежной задумчивой улыбкой; Галя, с кучерявыми, торчащими во все стороны волосами; Игорь, с мутными глазами и впалыми щеками, Таня, полная с копной рыжих волос, и все остальные, сидящие за длинным столом, уставленным бокалами с игристым шампанским, были рады моему приходу. От волнения я застыл на проходе.

Я стоял и не верил своему счастью. Все они приветливо улыбались мне, и никто здесь не считал меня неудачником, ни на одном лице я не увидел издевательской усмешки. Расплывшись в широкой улыбке, я неуклюже подошел к столу и занял свободное место.

– Какие люди пожаловали! – воскликнула Таня и залилась хриплым смехом.

– Уж не думал, что предпочтешь Ростов Воронежу, – произнес Игорь, внимательно меня оглядывая.

– А я знала, что он вернется, – ласково сказала Леночка, – ведь душа всегда просится на родину. Я и сама закончила хореографическое училище в Санкт-Петербурге и не выдержала, вернулась. – Она улыбнулась мне, и я невольно отметил, что в ее лице сохранились кошачьи черты.

– И чем же ты сейчас занимаешься? – спросил я.

– Да так, – улыбаясь, она пожала плечами, – выступаю в театре с балетной труппой, иногда выезжаю на гастроли.

Ее слова вызвали множество одобряющих взглядов.

– Вот это целеустремленность! – не скрывая восхищения, сказал я. – Все-таки исполнила мечту детства.

Леночка скромно опустила глаза.

Тем временем в зале появились официанты и стали накрывать стол. Одетые в строгую форму, с гордо поднятыми головами и красивыми осанками, они сновали вокруг нас, изящными движениями расставляя белую посуду. Со всех сторон к нам подплывали большие серебряные подносы, и стол наполнялся разнообразными блюдами и напитками. Я никогда не был избалован деликатесами, поэтому стараясь не демонстрировать свое любопытство, стал пробовать каждое блюдо. Только делал это с самым равнодушным лицом.

– Кстати о мечтах детства, – несколькими минутами позже, отложив вилку с ножом, усмехнулся Кирилл и обратился к Максиму, – получилось стать суперменом?

– Не поверишь, но да, – пробубнил Максим, что-то пережевывая. – Работаю в отделе полиции.

– Ха! – крикнула Таня. – Вот это парень дает! Я, конечно, не супермен, но свое слово тоже сдержала. Устроилась парикмахером, – она изобразила ножницы пальцами.

– А что насчет остальных? Выполнили свои обещания? – положив локти на стол и нагнув корпус вперед, спросила Галя.

– Ну, я, как и хотел, стал пожарным. Работа посложнее, чем представлял, но мне нравится, – сказал Игорь.

– А я программист, – похвастался Игорь.

– Я певицей хоть и не стала, но преподаю музыку в начальных классах, – низким голосом сказала Галя.

Я сидел и смотрел на всех этих людей, пробивающихся в жизни, стремящихся к своей цели, и понимал, что сам же не сделал ничего, чтобы исполнить свою мечту. От этой мысли мне стало ужасно неловко. Но еще большую неловкость я ощутил, когда Леночка, сияя от любопытства, повернулась ко мне и спросила:

– А как поживает наш писатель?

– Да! Чувак, ты же больше всех шумел, что станешь писателем. – Максим возмущенно взмахнул руками. – И как, получилось? Я, конечно, не фанат романов, но твои почитал бы.

Бесконечная тоска, давно поселившаяся внутри меня, сжала мое сердце. Волна разочарования в себе, в своей жиз-

ни, в своих надеждах накрыла с головой, и мне стало трудно дышать.

Что я должен был им сказать?! Что работаю грузчиком? Что уже третий год не могу устроиться даже по той жалкой специальности, которую получил по наставлению окружающих? Рассказать им, что даже не попытался стать тем, кем действительно хотел быть? Открыть им, насколько я одинок и запуган? Я понимал, что я жалкий, задавленный человек, но меньше всего на свете хотел, чтобы об этом догадались мои единственные друзья. Особенно Леночка, чьи серые глаза пронизывали меня таким искрящимся, испытующим взглядом, что дышать становилось еще труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.